

Г. В. ЕРМАКОВА-БИТНЕР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в. И «ВЕСТНИК ЗНАНИЯ» (1903—1916)

Научно-популярный журнал «Вестник знания», согласно замыслу его основателя и редактора В. В. Битнера, ставил перед собой цель — распространение систематических знаний среди демократических и малоимущих слоев населения — крестьян, рабочих, мелких служащих, — всех, кому в условиях царской России были затруднены пути к образованию.

Политическое лицо журнала хорошо охарактеризовал в 1909 г. царский цензор, сообщавший в своем донесении, что «в политическом отношении этот журнал ... ближе всего подходит к программе социал-демократической партии ... Отношение журнала к правительственной деятельности — недоброжелательное».¹ Сам редактор «Вестника знания» в период первой русской революции в предисловии к запрещенным ранее сочинениям Л. Толстого сказал о своих надеждах на наступление времен «господства социалистических идеалов» и с симпатией отозвался о представителях левых партий — «народных заступниках», которые «имеют в виду благополучие трудовой массы народа».²

В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905 г., журнал уделял большое внимание теме преемственности освободительных идей, утверждая верность традициям борьбы за лучшее будущее народа. Следуя за прогрессивной наукой и демократической публицистикой, «Вестник знания» часто давал литературе XVIII в., стоявшей у истоков этой борьбы, более верную оценку, чем некоторые труды либерально-дворянского и буржуазного литературоведения того времени.

В предисловии к биографической библиотеке «Вестника знания» — «Великие люди» редактор журнала особо подчеркнул значение борцов за идеи, «из которых многие сложили свои головы,

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 785, л. 60.

² В. Битнер. Предисловие редакции. — В кн.: Полн. собр. соч. Льва Николаевича Толстого, вышедших с 1879 г., т. I, издание «Недели» (В. В. Битнера), СПб., 1906, стр. 3.

отстаивая интересы угнетенных, сгорели на кострах, сгнили в темницах, были замучены в застенках за то только, что не могли отказаться от идей, которые они считали истинными».³

В ряду этих «светочей человечества», борцов за передовые идеи, мы находим в серии «Великие люди» и создателя «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева. В биографическом очерке и в обзорной статье «Развитие русской публицистики» он охарактеризован как горячий защитник интересов народной массы, писатель-гражданин. Автор очерка подчеркивает, что Радищев развернул в своей книге «крайнюю демократическую программу»,⁴ обосновал право граждан на выступление против несправедливой государственной власти. Радищев, в оценке его биографа, был человеком, далеко опередившим свое время, который в выводах пошел дальше не только своих соотечественников, но и европейских мыслителей. Так, в вопросе об освобождении крестьян с землей Радищев проявил большую решительность, чем Руссо и Мабли. В очерк были включены многие смелые высказывания писателя, как например его обличение «самодержавства» в примечании к переводу книги Мабли, звучавшее совсем злободневно. Столь же печально-злободневны были и многие радищевские характеристики ужасающего положения русского крестьянства, обильно процитированные в его биографии. Картины страшной нищеты крестьян, спящих вместе с животными в грязной избе, невольно должны были перекликаться в сознании читателей «Вестника знания» с многочисленными материалами аналогичного характера, которые помещались в журнале, как-то: из 700 жителей села Малышева лишь 9 человек спали не на полу, указание врача давать больному ребенку лекарство каждые 2 часа не могло быть выполнено, так как ни у кого в деревне, конечно, не было часов, и т. д., и т. п.

Требование Радищевым свободы печати, процитированное в биографическом очерке, было также абсолютно созвучно современному положению, когда подписчики «Вестника знания» зачастую не получали тот или иной номер журнала, конфискованный и уничтоженный по приговору суда. «Невозможность говорить обо всем открыто и прямо до сих пор еще тяжелым камнем лежит на душе русского гражданина»,⁵ — писал публицист «Вестника знания», переносясь из прошлого в современность.

Еще в недавнее время советские исследователи считали необходимым бороться против утверждения, что Радищев якобы после ссылки был окончательно сломленным человеком.

---

³ В. Битнер. Предисловие. — В кн.: «Великие люди». Биографическая библиотека «Вестника знания». Бесплатное приложение к «Неделе Вестника знания», т. 1, б. г., стр. 3.

⁴ Там же, стр. 199.

⁵ Там же, стр. 179.

Следует сказать, что в серии «Великие люди» нет и следа этой неверной концепции. Напротив, здесь доказывается постоянство Радищева, верность его своим убеждениям до конца дней. Автор очерка о Радищеве пишет, что в статьях, созданных в Сибири, Радищев «в осторожной форме» развивал те же взгляды, что и в «Путешествии»; в «Описании моего владения» он отстаивал те же воззрения относительно крепостного права, которые он высказал некогда в своей книге и, наконец, в комиссии по выработке новых законов он старался провести «в закон идеи равенства и свободы».⁶

Крайне важным в условиях того времени — периода реакции, наступившего после поражения революции 1905 года, было утверждение, что деятельность Радищева на благо Родины не прошла бесследно, что как его книга, так и подвиг его жизни имели «весьма значительное влияние» не только на современное ему поколение, но и на следующие. С особенной отчетливостью мысль о преемственности и плодотворности идей Радищева была проведена в статье «Развитие русской публицистики». Ее автор писал, что книга Радищева была «первым камнем того фундамента, на котором позже выросло дивное здание русской общественной мысли».⁷ Он перекидывал мостик от идей Радищева к декабристам и мировоззрению 30-х годов, говоря, что, несмотря на разницу мировоззрений, и Радищева и декабристов, и Белинского и Герцена связывает преемственное «единство освободительного духа». Цитируя гневный антикрепостнический монолог из пьесы Белинского «Дмитрий Калинин», автор статьи приходил к следующему выводу: «И разве эти слова, сказанные в конце 30-х годов, не являются тем же самым воплем о незаконности крепостного права и необходимости освобождения крестьян, которым была и знаменитая книга Радищева? Несомненно ... что в лице Белинского вновь разгорелось пламя, вспыхнувшее в екатерининскую эпоху и тщательно гасившееся эпохами последующими».⁸ В то время, когда идеологи «Вех» оплевывали революцию и отрекались от «народолюбия» передовой интеллигенции, это стремление сблизить все проявления «освободительного духа» в прошлом, несмотря на некоторую прямолинейность выводов, было несомненно прогрессивным моментом.

В своей работе о сатирических журналах Н. И. Новикова П. Н. Берков выступает против «легенды» о либеральности Екатерины II, сложившейся в дореволюционном буржуазном литературоведении, и неверной точки зрения, будто «сатирические журналы 1769 и последующих годов ... представляли собой разработку предначертаний императрицы».⁹ В отличие от многих

⁶ Там же, стр. 205.

⁷ Там же, стр. 167.

⁸ Там же, стр. 178.

⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 7, вступит. статья П. Н. Беркова.

буржуазных литературоведов авторы «Вестника знания» в достаточной мере критически отнеслись к «блестящему веку» Екатерины II. Характерно, что страница статьи, на которой мы читаем о том, что «первые русские публицисты» — Радищев и Новиков явились и «первыми жертвами» самодержавного строя, против которого они осмелились поднять свой «возмущенный голос»,¹⁰ иллюстрирована весьма выразительными рисунками — изображениями старой и новой Шлиссельбургской тюрьмы.

Говоря о журналистике Новикова, автор статьи о русской публицистике подчеркивает остроту постановки социальной темы Новиковым, коренное несходство между его целями и теми, которые преследовала Екатерина II своими журнальными упражнениями, и гибель Новикова объясняет глубокими и серьезными разногласиями между «коронованной журналисткой и первыми русскими интеллигентами».¹¹

Традиции передовой журналистики XVIII в. были дороги публицистам «Вестника знания». Обличая «бессодержательный», беззубый смех «сатириконских» юмористов, критик «Вестника знания» В. Голиков вспоминает «зарю русской литературы», когда одним из «самых ярких лучей была художественная сатира»¹² Кантемира, Новикова в «Трутне» и «Живописце», Фонвизина. Проследившая ее развитие от эпиграмм Пушкина к Гоголю и Салтыкову-Щедрину, критик противопоставляет безыдейности современной юмористики политическую остроту боевой сатиры прошлого, которая всегда обращала «острие своего сарказма, если и не против самых корней дурной общественности, то, во всяком случае, против ее подлинных и существенных зол».¹³

«Вестник знания» имел немалые заслуги в области жанра сатирической публицистики. В. Битнер вел в течение ряда лет отдел «Политической карикатуры» и, кроме того, в журнале было помещено большое количество обзорных статей, посвященных трактовке разных тем современной жизни и политики русскими современными сатириками. «Идет революция и с ней идет сатира»,¹⁴ — так писал в 1906 г. критик М. Ивинский, начавший свою статью с имен «талантливых выразителей русской сатиры» — Новикова, Радищева, Салтыкова-Щедрина. Предметом преклонения читателей «Вестника знания», их гордости, образцом для подражания был «гениальный наш мужик»¹⁵ — Михаил Васильевич Ломоносов. Ему была, конечно, посвящена одна из глав «Великих лю-

¹⁰ «Великие люди», т. I, стр. 170.

¹¹ Там же, стр. 168.

¹² В. Голиков. Сатира, юмор и мораль. — «Неделя Вестника знания», 1911, № 46, стр. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ М. И. Ивинский. Русская революционная сатира. — «Вестник знания», 1906, № 1, стр. 33.

¹⁵ А. Николаев. Ума народного атлет. — «Вестник знания», 1911, № 11, стр. 972.

дей», о нем было напечатано большое количество статей в «Вестнике знания» и «Неделе», особенно в 1911 г., к 200-летию со дня его рождения. О Ломоносове тогда писали многие, но корреспонденты «Вестника знания» говорили не только о величии первого русского ученого, но и выступали в защиту его памяти от посягательств черносотенцев, реакционеров.¹⁶ С горечью писал сотрудник журнала А. Николаев о том, что чествование «незабвенного сына народа» вышло бледным и в официальной его части неискренним и фальшивым, что вполне понятно, раз к памяти Ломоносова «притрунулись иссохшие персты нашей бесплодной бюрократии и грязные руки разных националистических и правых организаций».¹⁷ С омерзением писал А. Николаев о том, что билеты на вечер, посвященный памяти великого ученого, который готовился к служению горячо любимому народу среди «несказанной бедности», выдавались лишь студентам — «академистам», разращенным правительственными субсидиями.¹⁸ А правительство это гонит и преследует независимых профессоров, ученых с мировым именем — таких, как Тимирязев.

Автор статьи ставит перед собой задачу раскрыть истинное значение Ломоносова, представив его имя чистым и незапятнанным. Он признает, что права Ломоносова на благодарную признательность со стороны народа велики — этот «гигант человеческой мысли» своими гениальными открытиями опередил свое время, во всяком случае, на столетие. Николаев рисует могучий образ человека — знатока всех отраслей современной ему науки, практического деятеля в области промышленности, публициста, боевого общественного деятеля, который всегда и во всем был «продуктивен» и «оригинален».¹⁹

С подлинным вдохновением, проникновенно пишет автор статьи о Ломоносове как филологе, поэте — он понял «своей глубокой народной душой ... красоту русского языка».²⁰ В своих одах Ломоносов, в понимании Николаева, был далек от восхваления императрицы, а использовал этот высокий публицистический жанр с целью внушать «державным главам» мысль о благе России, так как всегда был поглощен думами о конкретных нуждах народа. Специалист по вопросам народного образования, А. Николаев особо подчеркивает, что великий ученый был в этом отношении «крайним демократом», считая, что образование должно быть доступно всем, без различия состояния и сословий. Насколько Ломоносов и в этом вопросе опередил свое время, видно хотя бы, пишет автор, из того, что еще и теперь, в начале XX в., «эта

¹⁶ См., например: «Неделя Вестника знания», 1911, № 47, стр. 9, «Голоса печати».

¹⁷ «Вестник знания», 1911, № 11, стр. 972.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 980.

²⁰ Там же, стр. 979.

мысль не вмещается в головы многих официальных руководителей русской жизни».²¹

Публицисты «Вестника знания» постоянно указывали на значение знания для освобождения народа. Для автора статьи о Ломоносове пример жизни Ломоносова также «поучителен» именно в этом отношении: «Ломоносов появился не в центре России, стоявшей под игом крепостного права, а на далеком севере, заселенном свободным крестьянством, бежавшим от ига помещиков и преследований со стороны церкви. Свобода и культура находятся в тесной, неразлучной зависимости — вот чему учит нас биография Ломоносова и о чем особенно должны помнить русские граждане в нынешнее время».²² И читатели «Вестника знания», многие из которых оставались верны традициям освободительной борьбы первой русской революции, могли сделать из этого заключения свои, далеко идущие выводы.

Так деятели далекого времени — XVIII в. — продолжали жить в сознании людей XX в., учили их дерзать и бороться.

---

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 981.